

Воспоминания Макаровой (Поповой) Галины Варфоломеевны о жизни перед ВОВ в с. Вомын Корткеросского района.

С большим интересом прочитала записки старшего брата Ивана о нашей родословной. Они взволновали меня. Очень! Беспредельно благодарна ему, что сохранил он в памяти всё это. Думаю спасибо скажут родные и двоюродные сёстры и братья, которым перепечатала и разослала воспоминания Ивана. Года наши такие, что нельзя упустить время, чтобы передать будущим поколениям то немногое, что мы знаем о наших прауродителях. И ещё. Почему-то я верю, что кто-то и из наших детей и внуков с интересом прочтёт наши записки и тоже захочет оставить своим потомкам воспоминания о своём времени, о судьбах родных и близких ему людей. И протянется нить дальше.

Считаю своим долгом сделать записи и я. Пусть это будет как-бы продолжением воспоминаний брата Ивана. Ведь моя сознательная жизнь началась уже тогда, когда Ваня, окончив школу и Московское театральное училище, начал жить самостоятельно. Напишу о некоторых ярких впечатлениях своего детства, о бабушке Прасковье Максимовне, об отце Варфоломее Петровиче, о матери Анне Митрофановне, о моих братьях и сёстрах.

Я думаю, что в новый дом, где прошло наше детство, семья перешла из дедушкиного дома в 1930 году. Старшему брату Ване было 11 лет, Алёше - 9, Борису - 6, Тоне - 3, а Рае не было ещё года. Мама рассказывала, что вошли в дом по трапу, т.к. крыльца ещё не было. Строили родители дом большой, добротный, из четырёх комнат, из летней и зимней половины. Потолки высокие, окна весёлые. Из летней половины винтовая лестница ведёт в чердачную комнату с балконом. В первой комнате большая русская печка и просторные полаты. Всё было рассчитано на большую семью. Но времена были тяжёлые, средств на строительство не хватало. Зимнюю половину мама достроила уже в 60-е годы. Под одной из зимних комнат сделали ещё одну, куда установили мамин ткацкий станок.

В сентябре 1931 года седьмым ребёнком родилась я. Хорошо помню первое сильное впечатление. Полагаю, мне было около трёх лет. Меня зимой вынесли на улицу. Около завалинки поставили на снег. Вот этот снег и голубые пушистые сугробы потрясли меня! Я схватила руками снег и начала быстро-быстро пихать себе в рот. Меня еле затащили в дом. С тех пор, вероятно, возникло во мне острое любопытство к природе, а большой снег всегда поражает меня, как эфиопа, впервые попавшего в Россию.

Пока мы были маленькие, росли под присмотром бабушки и старшей сестры Тони. Подрастая, принимали участие в хозяйственных делах, собирали грибы и ягоды. Летом много времени проводили на песчаном берегу Эжвы. Быстро выполнив мамини поручения, шумной ватагой шли на берег купаться. Старшие на загривках тащили малышей. С рекой у каждого из нас связано много воспоминаний. Однажды во время половодья (ледоход уже прошёл) мы с подругами жгли на берегу костёр. Было довольно холодно. Мы с подружкой Веня Ией поспорили, кто из нас искупнётся 11

раз. После первого раза Ия отказалась. Я продолжала. Погреюсь около костра и снова лезу в воду, подруги подбадривают. Не знаю, сколько раз успела, но прибежали Тоня и Настя, старшая сестра Ии, и длинными прутьями погнали нас домой. Я надолго свалилась с крупозным воспалением лёгких. Много дней была в бреду. До сих пор помню эти страшные картины бреда.

Лечили, как водилось, домашними средствами. Приехал из города дядя Максим (не знаю, вызвали его или сам приехал) и, поставив диагноз, начал лечить какими-то таблетками. Выкарабкалась.

Читать научилась до школы. Приставала к старшим, спрашивала, какая это буква и к началу учёбы так истрепала переходящий по наследству от сестёр букварь, что пришлось начать учёбу без него.

С первой попытки меня не приняли. Юля Васильевна сказала, что все парты уже заняты и мне ещё не хватает лет. Я забралась на русскую печку в проходной комнате, куда школьники выходили во время перемены, и громко рыдала. Юля Васильевна вышла из класса и сказала, что я мешаю ей вести урок, потом выпроводила меня на улицу. А уж на следующий год я не сплеховала. Встала в шесть часов утра и побежала прямо к тётке Лизе, где квартировала учительница. Тётя Лиза мне сказала, что Юля Васильевна ещё спит. Я вышла во двор и стала ждать там. Боялась, что опять в школе все парты займут и меня не примут. Из соседнего дома вышла моя ровестница Микит Опонь Миля. Она сказала, что сама видела, как Юля Васильевна уже в уборную выходила. Я начала с ней спорить, что учителя в уборную не ходят (в этом я была убеждена). Спор наш закончился дракой и я прокусила ей большой палец. Были, конечно, неприятности, но в первый класс меня приняли.

В одной комнате разместились три класса: по одному ряду первый, второй и третий.

Учительница по очереди занималась то первым, то вторым, то третьим классом. Начались у меня нелады с дисциплиной. Пока в моём ряду читали "мы-а-мы-а, пы-а-пы-а" и долго гадали, что бы это значило, я успевала прочитывать всю страницу Букваря и начинала шалить. Юля Васильевна задаёт писать элементы, а я пишу буквы, задаёт буквы, я пишу слова. Успевала и перекусить. Отламываю от мушника (круглый ржаной хлеб домашней выпечки) кусочек, запихиваю за щёку и мягкий духоватый мякиш медленно тает во рту. К тому же оказалась левшой, никак не могла писать правой рукой. Очень интересовало меня, что делают во втором и третьем классе. Всё это мешало учительнице вести урок и частенько выпроваживала меня за дверь. И вот результат: по поведению за первое полугодие - "очень плохо", одним словом, "кол". Переживала. Но училась хорошо, хотя букваря у меня до конца так и не было. Всего на весь класс было три букваря.

Дома по вечерам зажигали лампу и готовили уроки. Когда же бывало холодно, устраивались прямо на печке, на узенькой скамейке. Там же располагалась с какой-либо работой бабушка.

Наша бабушка, Парасковья Максимовна, была неграмотной, ни читать, ни писать не умела. Зато знала на память все молитвы. За работой, если мы

были одни, она выводила молитвы негромким речетативом, словно неспеша вязала петельку за петелькой. Смысл молитв, наверно, понимала, хотя не знала по-русски ни слова.

Со своей снохой (нашей мамой) жили в согласии. Никогда я не слышала, чтобы мать повысила голос на неё, хотя, ох как нелегка была жизнь и, вероятно, поводов для размолвок было хоть отбавляй. Всё приходилось делить пополам: воспитание детей и тяжёлый труд, голод и холод. Мать и отец с утра до вечера на работе в колхозе, а бабушка вынянчила всех нас и управлялась домашними делами. Каждую осень бабушка проводила агитационную работу. "Анна, - говорила она маме, - опять всех дочек в школу

отдашь? Пусть кто-нибудь останется дома, одежды и обуви на всех не хватит". Не добившись согласия матери, приступала по очереди к нам. Сначала потихоньку уговаривала Тоню и Раю, а потом уже ко мне: "Ты, Галя, сколько классов уже закончила?" "В четвёртый пойду", - отвечаю.

- Хватит уже учиться, оставайся в этом году дома. Мы с тобой на печке и перезимуем. А то смотри, валенок у тебя нет, пальтишко - заплатка на заплате, да и платков на всех не хватает. Охота тебе каждый день по морозу за три версты ходить. Дома вон дел сколько.

- Нет, - отвечаю я, - пойду.

- А то ведь, не дай Господи, простудишься и помрёшь.

Даже этот аргумент не действует на меня: я с нетерпением жду, когда начнутся занятия. Бабушка вздыхает и отступает от меня. Хотя помощницей я ей была плохой.

По характеру и склонностям больше была похожа на мальчишку. Не любила женские дела, особенно уток щипать, которых отец приносил с охоты. Перья не выщипывались, а сдирались вместе со шкурой, липли к пальцам. Меня больше привлекали мальчишечьи страсти: лошади, лес, рыбалка. Всю жизнь любила лошадей. С ними у меня связано много детских воспоминаний. Впервые села верхом на лошадь, когда мне было пять лет. Отец пахал огород возле старого дедушкиного дома. Я крутилась возле него, просила посадить меня на лошадь. Отец, видимо, опасался, что я свалюсь под плуг, не сажал меня. А я всё бежала по пахоте: очень хотелось прокатиться. Подошёл какой-то дядя к отцу. Остановились, стали меж собой беседовать. Я робко тереблю папу за рукав и прошу посадить меня на лошадь. И вот я уже верхом. Сажу, крепко уцепившись за гриву. Дух захватывает: так высоко, видно всё вокруг. Отбиваясь от гнуса, лошадь вздрогнула всей шкурой, махнула хвостом, и я очутилась под её ногами. Отец засмеялся и поставил меня на ноги. С тех пор каждое лето больше бывала верхом, чем на ногах. В весенние каникулы развозила навоз на колхозные поля, боронила, ездила в ночное нарядом с мальчишками, летом возила копны, осенью - погонщиком конной молотилки на гумне. Я часто думаю: что же так привлекало нас в ночное? Что? Мама обычно неохотно пускала меня туда. После полуголодного ужина редко удавалось уделить несколько картофелин для печенки, желаемое лакомство возле костра в ночном. Чаще всего мы тайком выковыривали уже проросшую картошку из колхозного поля. Пекли на костре, обжигая пальцы, очищали от обуглившейся кожуры

и впивались зубами в рассыпчатую мякоть, шумно расправлялись с картошкой.

Когда мы с мальчишками устраивали скачки на лугах или по пути домой, мы с Катшей (Сорока) всегда оставалась позади. Она была уже старая и костлявая. Мне захотелось более резвую лошадь, и я стала ездить на молодой, небольшого роста лошадке коричневой масти, по кличке Зеленец. Но её надо было ещё каждое утро отвоёвывать в потасовке с моим ровестником Лиза Алексеем. Тут уже ни один мальчишка не мог обскákat меня. Завершались они для меня с переменным успехом. Так что временами я возвращалась к своей старенькой Катше.

Однажды мама пришла из фермы домой после дойки и сказала, что в загоне около ручья умирает Катша. Я сорвалась с места и побежала к ней. На зелёной траве медленно кружила Катша. Живот обвис, ноги не слушались, её вело и вело всё в одну сторону. Затем споткнулась и, неловко подогнув ноги, со вздохом рухнула на землю. Из выпуклых чёрных глаз её катились горошины слёз. Как горько и безнадежно я плакала! Катша то пыталась подняться на ноги, то билась головой об землю. Пряча от встречных зарёванные глаза, огородами побежала домой. Мама, видно, поняла меня и, желая утешить как-то меня, сказала: "Что поделаешь, очень уж старая она была, досталось ей, бедняжке, тяжёлой работы и на полях и на лесозаготовках". С нашей семьёй Катша трудилась не один год. Я не знаю, ездили ли на ней старшие братья Ваня и Алёша, но до меня много работали с ней Борис, потом Рая. От них уже перешла ко мне. Вспоминается такой случай. Ставили сено на том берегу Эжвы, возле Урьель ты. Вечером после работы мы с Раей сели верхом на Катшу и поехали в сторону дома к переправе. Настроение было хорошее, т.к. сеноуборка там завершена. Смеркалось. Катша рысцой трусила по узенькой тропинке. Вдруг она споткнулась о корень дерева и мы с сестрой полетели через её голову. Готовы были уже заплакать, как обе начали хохотать. "Ты ушиблась?", - спрашивает Рая. "Нет. У меня только кончик носа болит". "У меня тоже". И стали ещё громче смеяться. А Катша стояла, как вкопанная и ждала, когда мы сядем и поедем дальше.

Почему я столько строк уделила этой, ничем не приметной лошади? Могу сказать только одно. Были потом в моём детстве и краше, и резвее лошади, но ни одна из них не оставила в моей памяти такого следа, как Катша.

Наша бабушка никогда не сидела без дела. Худенькая, со сторбленной спиной, она всё спешила переделать все дела, хотя, наверно в крестьянском хозяйстве это невозможно. Зимой то и дело выскакивала раздетая то в сени, то на улицу, то в сарай за чем-нибудь. Поэтому часто у неё был насморк. Летом она любила ходить в лес собирать грибы и ягоды. Хотя и выросла в лесном краю, но за первыми же соснами теряла направление. К тому же плохо слышала, поэтому всегда звала с собой кого-либо из нас. Придётся, бывало в ельник, густой, мрачный, а черники видимо-невидимо! От кустика к кусту, да всё в чуман (корзинка из бересты), в рот потом, когда наберёшь в посуду. Спешись. И вдруг за деревьями тревожный бабушкин голос:

- Галя, где ты?

- Тут я, - отвечаю.

Но бабушка срывается с места и бежит. Только не ко мне, а в обратную сторону. Кричу, но уже не слышит. Приходится прибавлять прыти, чтобы не потерять её из виду. Бабушка тоже быстро бежит. Пока догонишь, душа вон! А одна далеко не ходила, собирала ягоды там, откуда были видны дома или дорога. А вообще она ростом была маленькая, тихая и скромная.

Долгими зимними вечерами все мы: Боря, Тоня, Рая, я и Люда вместе с бабушкой сидели на нашей просторной печке, сэкономили керосин и лучину, ждали возвращения родителей с работы на скотном дворе. Вот и шаги: торопливые - мамыны, а размеренные, неспешные - отца. Стук заледенелых валенок на крыльце, скрип половиц в сенях, и вот они заходят вместе с целой тучей морозного воздуха. В доме сразу становится хорошо и уютно от маминых хлопот. Ужинаем. Общая миска щей, чаще грибного супа, когда с хлебом, а когда и без. На второе миска молока или тарелка киселя. Не очень сытно, но всё же поели. Вся детвора укладывается спать на полатах. Бабушка - на печке. Она часто жаловалась, что у неё мёрзнут ноги, не греет старая кровь. Мне тоже нравилось спать на печи, постелив старую телогрейку, бабушка совала мне единственную подушку.

- Бери, мягче спать будет, а я вот мешок с луком подложу.

Я отказываюсь от подушки, хотя долго не засыпаю: мне кажется, что лежу вниз головой.

- Бабушка, - шопотом прошу я, - расскажи какую-нибудь сказку.

- Не знаю я.

- Тогда о своей жизни.

- Что в моей жизни? Работала да детей растила. Вот и вся жизнь моя. Расскажи лучше ты.

И рассказывала ей сказки и всё, что читала в книжках. Я твёрдо верила: как написано в них, точно так было и в жизни. Бабушка тоже, видно, так думала. И вместе тихо плакали над словами: "Мальчиша-Кибальчиша схоронили на зелёном бутре у синей реки. И поставили над могилой красный флаг. Плывут пароходы - привет Мальчишу! Пролетают лётчики - привет Мальчишу! А проходят пионеры - салют Мальчишу!". Бабушка удивлённо охала: "Откуда ты всё это знаешь?".

- А книги-то на что?

- Но ты же только смотришь, а не читаешь!

Так для неё и осталось непостижимым, как это можно читать глазами. Бабушка прожила долго, один год не дотянула до девяносто. И пережила почти всех своих детей. В последние годы часто говорила о смерти. Приходу каждой весны радовалась. Боялась умереть зимой: "Могилу копать

холодно и тяжело будет". И умерла в самые лютые морозы 1949 года. Было так. Утром мама встала, растопила печь, приготовила кушать. Обычно бабушка тоже вставала и помогала ей. А тут не встала. Мать думает: "Пусть поспит". Поднялась будить её на завтрак, а она уже мёртвая. Я в это время жила у Тони в Сыктывкаре и училась в 10 классе. После похорон мы с сестрой получили письмо от мамы. Плакали мы с Тоней по бабушке, заодно по отцу. Так свежо ещё было горе о нём.

Мало на долю матери пало лёгких дней, но, пожалуй, та зима после смерти бабушки, когда в огромном доме впервые осталась совсем одна, была одним из самых тяжких для неё времён. Зима была лютая и голодная. Силы истощены. Четыре года голодных военных лет и ещё более голодные четыре послевоенных. Все мы разъехались, кто куда. Старшие забрали младших к себе, где мы могли получать по 200 гр. хлеба и продолжить учёбу. Как много это для нас значило! В деревне же этого не имели, полностью перешли на кору и солому. Пусть никто никогда не испытает это! Кто-то передал нам из Вомына, что мама от голода стала опухать. Но выжили, выстояли. Весной отменили карточки.

Наш отец, Варфоломей Петрович, остался старшим в семье после смерти дедушки. Сколько на его долю выпало труда, чтобы поднять на ноги сестёр и братьев, потом вырастить и воспитать нас, семерых своих детей. Участие в Империалистической войне, а затем в Гражданской, извечная крестьянская забота о хлебе насущном. Голодные, не урожайные годы: 21-22-й, 26-27-й, 30-32-й, коллективизация. Только-только начали есть хлеб досыта, тяжким грузом придавила война. Как одеть и прокормить семерых детей? Колхозный урожай забирали весь, иногда даже не оставляли на семена. Налоги доходили до нелепости: есть скотина или нет её, всё равно надо сдавать молоко, масло, яйца, шерсть, мясо и т.д., несмотря на то, что к колхозе работали в летнее время всей семьёй, получать в конце года было нечего. Часто родители ломали голову, откуда взять деньги на налоги, керосин, облигации, на одежду. Пожалуй, единственным денежным источником было пособие по многодетности, которое один раз в год выдавало нам государство. Расплатившись со всеми налогами, иногда выкраивала ещё мама на несколько метров ситца и шила нам сарафанчики или платья, правда, на всех сестёр не хватало и мы ждали очереди на следующий год.

Может кому-то из молодых покажется странным, что я много пишу о трудностях, о голоде. Вы спросите у своих дедушек и бабушек, чьё детство, как и моё, совпало с самым трудным периодом нашей страны. Они согласятся со мной. Но мы не жаловались, понимали, что всем одинаково тяжело и искренне жалели тех, кто находится в местах военных действий.

Вспоминаю отца в довоенные годы. Он никогда не курил и не пил, но в праздники за столом рассказывал много интересного о наших предках, о своих друзьях, об истории крещения коми и Стефане Пермском. Рассказывал, что в Усть-Куломе живёт очень интересный человек, его друг, у него очень много хороших книг и сам хорошо знает прошлое нашего народа. Сам отец ценил книги, выписывал и читал газеты и журналы. Когда отец говорил матери: "Ветла правлениео, газет судзодны" (Пойду в правление доставать газеты), то я живо представляла, что около правления стоит высокий столб, куда должен залезть он и достать газету. Прочитанные газеты отец аккуратно

прокалывал на вбитый в стену гвоздь. Он вообще отличался аккуратностью. Ещё с Первой Мировой войны (воевал он в Прибалтике), привёз он трофейную немецкую винтовку, которую содержал в порядке, как и свои охотничьи ружья, хотя и не было к винтовке патронов. Был у нас старый грамофон. То ли от дедушки достался, то ли отец до революции покупал. Во всяком случае пластинки были очень старые. Среди них песни Шаляпина, Максаковой и даже "Боже, царя храни". Грамофонных игл не было, и мы приспасабливали швейные, которые нещадно портили пластинки. На нас, детворе, так хотелось послушать музыку. Ни радио, ни телевизора не было тогда.

Однажды отец ездил на слёт ударников (передовиков) и привёз ёлочные игрушки. Обычно в деревне у нас мало кто ставил к новому году ёлку, а мы ставили. Правда, игрушки делали сами. А тут – настоящие, из стекла и ваты: шишки, чайнички, морковки, зайчики... Они нам казались настоящим чудом. В большой комнате поставили ёлку до потолка, украсили её. Оставалось несколько дней до нового года. Сёстры и братья ушли в школу, а я ещё не училась. Сидела на печи и как обычно занималась своим любимым делом – рисовала. Бабушки тоже дома не было. Мама в большой комнате затопила голландскую печку и ушла, наказав нам с Людмилой, чтобы мы к печке не подходили. Но она так заманчиво и весело гудела, что мы не выдержали и пошли играть туда. Поднесём клочок бумаги к поддувалу, а тяга прямо вырывает из рук бумагу, и она тут же вспыхивает ярким пламенем. Пришёл отец и стал ругать нас за опасную игру. Я вернулась на печь и продолжала рисовать. Людмиле было около четырёх лет. Она расплакалась и никак не хотела отойти от печки. Отец собрал пушнину и, завернув её в скатерть, собрался нести в заготпункт. Только отец открыл дверь и перешагнул через порог, чтобы уйти, закричала Людмила. Папа бросил узел и кинулся в ту комнату. Я прыгнула с печки и тоже туда. Людмила горела, как свеча, а отец срывал с неё одежду, кричал, чтобы я несла воды. Когда я прибежала с ковшом воды, на сестре уже одежды не было, она рядом горела на полу, а отец тушил. Я помчалась к матери на колхозную ферму и сходу крикнула: "Людмила стореда!". Мать выронила ведро и побежала так быстро, что я за ней угнаться не смогла.

Запрягли лошадь и повезли Люду в Подъельскую больницу за девять километров. Отец как мог гнал лошадь, а мама всю дорогу плакала. Только на полпути ребёнок пришёл в сознание. Ожоги были обширные: весь живот, шея, подпалены были брови, ресницы и волосы. Дело ещё в том, что отец не смог сразу сбросить с неё одежду. На ней было три платья. Мама перед новым годом сшила нам обновки, а из остатков ситца сшила Людмиле три, хотя и тесноватых, платьица. Она и надела все три сразу. Вообще, Людмила была ребёнком очень хорошенькая: большие голубые глаза, ямочки на щеках. Выстрадать пришлось ей много, пока не зажили ожоги. Через год опять с ней случилось несчастье. Родители были на работе, а сестры и Борис занимались домашними делами. Я приставила две доски от полатей до печки, получился скат. Начали мы с Людмилой кататься. Доски раздвинулись и Людмила грохнулась на пол.. Сразу потеряла сознание. Тоня схватила её на руки, а мы с Раей истошно ревели и трясли её. Мимо дома проходил наш двоюродный брат Нафанаил. Услышав крики, зашёл, посмотрел и сказал, что она уже мёртвая. Мы стали ещё пуще кричать и трясти Люду. Она открыла глаза и начала плакать. И ещё с ней был случай. Она заболела. Чем, не знаю,

ведь ни врача, ни медсестры в селе тогда не было. Несколько дней лежала без сознания, дыхания не было слышно. Пришла Наста вежань (крестная). Помолилась над ней и сказала, что надо её омыть, пока тельце не застыло. Решили, что Люда уже умерла. Поставили греть воду, а мама села шить Людмиле платъице, во что её обрядить. Когда всё было готово, крестная с молитвой взяла её на руки. И вдруг Людмила открыла глаза и тихо-тихо заплакала.

В нашей семье едва ли не самым главным источником питания были охота и рыбалка. В зимнее время отец охотничал и готовил рыболовные снасти, сети вязать помогали мы все. Охотничать и рыбачить отец научил не только сыновей, но и дочерей. Помню, на двери бани начертил мишень и все по очереди стреляли из папиного ружья. Меня не хотели допускать, говорили, что я ещё мала и не удержу ружья, но я плакала и настаивала на своём. Отец приспособил подпорку из рогатины и я стреляла не хуже других. Потом Тоня и Рая охотничали даже самостоятельно: ловили боровую дичь, ставили петли и капканы на зайцев, охотились на белок. Охотничала с отцом и я. А Борис был помешан на рыбалке. Как только река освобождалась от льда, его трудно было застигнуть дома. Готов был все дни и ночи напролёт сидеть на берегу с удочками и продольниками. Зато как весело нёс домой свой улов, и совсем незаметно входил в дом после неудачной рыбалки. Он и во сне не переставал рыбачить: вскакивал, кричал: "Держи! Подсекай!". Был такой случай. Приехала к нам из города двоюродная сестра Идея. Все мы, девочки, спали в чердачной комнате с балконом. А Боря ночью вернулся с рыбалки и лёг под винтовой лестницей, ведущей в нашу комнату. Об этом мы не знали. Ночью понадобилось идти в туалет. Открыли люк и начали спускаться по лестнице. Темно. Страшно. И вдруг под лестницей Боря как закричит спросонок: "Асса-ра-ра!". Мы так и посыпались по лестнице. А он пуше нас испугался, вскочил и заорал: "Пожар! Горим!". Весь дом всполошили. Мы забыли, куда шли, и обратно вернулись в свою комнату.

Каждый год ранней весной отец загораживал узкие протоки из озёр и ставил туда морды и вентеля. По мере высыхания озёр рыба устремлялась в протоки и попадала в ловушки. Мелкая же оставалась в озере. Рыбу можно было выбирать каждый день. Но надо было сторожить, т.к. находились люди, что рыбу забирали, а морды и вентеля бросали на берег. Иной раз и ломали всё. Сторожить чаще всего приходилось Борису или мне. По-моему сёстры боялись ночью оставаться в лесу, а я почему-то не боялась.

Чаще всего отец загораживал протоки на том берегу Эжвы (Бужод ты, Уръель ты). Иногда загораживал и на нашей стороне (Педе вис, Чом ва яг горув). В общем-то в лесу мы не боялись. Но с наступлением лета начинали распространяться слухи о беглых из тюрем и лагерей. Почти каждое лето в село заходили милиционеры и спрашивали у людей, не видел ли кто чужих? Те, кому удавалось убежать из заключения, по просекам обычно пробирались на Усть-Куломский тракт, иногда голод гнал их к жилищам людей. Но о каких-то зверствах и убийствах не было слышно, кроме одного случая, который произошёл ещё в 30-х годах. Молодой милиционер конвоировал пешком двух заключённых в город. В конце села, недалеко от нашего дома останавливались, пили воду из колодца. Но в Сторожевск они не пришли. Когда они дошли до места Чом ва яг норис, заключённые попросили у конвоира закурить. Воспользовавшись моментом,

схватили парня и недалеко от дороги повесили в яме, вырытой ранее строителями дороги. Этого было достаточно, чтобы некоторые, более робкие, вовсе боялись ходить в лес за грибами и ягодами. Иногда и нарочно нагоняли страха на детвору. Найдут женщины и старушки много ягод в каком-либо месте и тотчас распускают слух, что там видели беглых. Детвора тогда уже боится идти туда. Так вот, около места гибели милиционера мы всегда проходили со страхом. Сразу притихали всякие разговоры и мы стремились быстрее пройти это место. На душе становилось жутко, хотя место это красоты изумительной. Вдруг над кручей кончается лес, с обеих сторон обступивший дорогу, и при спуске открываются глазам просторные луга, озёра, протекающая вдали речка Вишера. А над самой дорогой наклонились три гигантские сосны, невесть за что ухватившиеся корнями. Теперь этих сосен уже нет. А жаль!

Однажды отец собрался проверять вентеля и хотел взять с собой Раю, чтобы она осталась сторожить там. Рая заплакала и не хотела идти. Только потом я узнала, почему. Оказывается это озеро находится совсем рядом с тем для нас страшным местом, которое я описала выше. Я же об этом не знала. Сказала отцу, что я пойду. Папа повёл меня другой тропинкой напрямик, и я не догадалась, что так близко от этого печального места.

Отец построил небольшой шалаш из пихтовых веток, натащил туда сухой травы, заготовил дров и развёл костёр. Потом выбрал рыбу, часть оставил мне у ушёл.

Сию возле костра, наблюдаю, как плещется в озере рыба. Язи и сазаны неспешно обходят загородку, ищут выхода в протоке, чтобы попасть в речку, пускают пузыри, мутят дно. Щуки ведут себя совсем иначе. Стремительные, нервно тычутся о берег и непременно хотят перепрыгнуть через загородку. Иногда шлёпаются обратно в озеро, а бывает – перемахнёт, замрёт на миг, словно не веря в удачу, и молнией – в реку, на простор. Щуке – радость, а мне – огорчение. Хочется есть. Не помню, было ли что-нибудь съестное у меня. Может и не было. Дома ведь тоже нечего есть. Весной всегда особенно голодно бывало. Картошку посадили и на еду не оставалось нисколько. О настоящем хлебе и говорить нечего. Иногда мама пекла из разных суррогатов чёрные, как подошва, лепёшки. Всё пробовали: кору, лебеду, крапиву, полону, перезимовавшую в поле гнилую картошку. Но хуже всего были лепёшки с соломой. Мои ровесники поймут меня! На лугу и в лесу тоже в это время голо: ни грибов, ни ягод, ни кореньев. Зачерпнула в котёл воды и поставила варить уху. Рыбы сколько угодно: крупные, жирные язи. Но нету соли. Дома тоже нету. Достать было негде. Привыкали есть без соли. В голодовку можно и картошку, и мясо, и прочее есть не солёными. Но рыбу! Кто не знает, попробуйте. Бывало, завтракаем без соли, неумоги! Мама вздыхает: "К такой бы рыбе да щепотку соли". Сёстры смотрят на меня. Я встаю из-за стола: "Не ешьте без меня, сейчас приду". Бегу к кому-нибудь из соседей, я знаю у кого ещё есть соль. Все в это время завтракают, как скажешь: "Нету соли", если солонка на столе. Зажав в кулачке щепотку соли, бегу домой. Если у кого-то что-нибудь попросить надо, всегда меня посылали.

Итак, брошена в котёл рыба, аромат пробуждает зверский аппетит. Хотя, по правде сказать, отсутствие аппетита было в дефиците. Есть хотелось постоянно. Съела всю рыбу без соли. Началось так называемое "рыбье

похмелье". Неудержимая рвота так измучила меня, что я еле запозла в шалаш, укрылась старой телогрейкой и заснула метрвецким сном. Проспала всю ночь и проснулась, когда солнце было уже высоко. Вышла из шалаша и вижу: костёр давно погас, исчез топор, лежавший у входа в шалаш возле моих ног, а лодка стоит на том берегу озера. Я обрадовалась, что это отец пришёл за мной. Наверно он за дровами для костра ушёл. Жду, а он всё не возвращается. Вдруг вижу: бежит отец по тропинке со стороны дома, вид испуганный. Спрашивает, кто переправил лодку на ту сторону. Я сказала, что и топор пропал из шалаша, когда я спала. Быстро выбрали рыбу из ловушек и пошли домой. Отец мне тогда ничего не сказал, но оказывается несколько человек сбежали из лагеря, ищут их. Поэтому отец так встревожился и прибежал за мной. Кто взял топор и переправился на лодке, так и не узнали. Но больше меня сторожить не оставляли одну.

Интересно, какой мудрый человек первым поселился в Кывтыдпоме (так называют западную оконечность нашего села). Расположение и впрям удачное. С северной стороны сразу за домами лес, богатый дичью и всевозможными ягодами: голубикой, черникой, брусникой, клюквой, с западной – поля, луга, пастбища, озёра, пихтовые и сосновые леса, урожайные на грибы, малину, смородину, рябину и черёмуху. С южной стороны протекает Эжва (Вычегда).

В порядке небольшого отступления модно сказать, что "Эжва" по коми обозначает "луговая река", т.е. река, текущая вдоль пойменных лугов. "Вычегда" – древнемансийское слово. "Вич" – сыроватый, пойменный луг, "егда" – протока, река. Значит смысл обоих названий один и тот же. И так как в верховьях Вычегды когда-то обитали манси, а на средней части реки – коми, оба народа дали реке своё название. В половодье Эжва заливают луга, соединяет озёра, затопляет леса. Имеет хмурый, строгий вид. А как войдёт в свои берега, тотчас меняет свой характер. Лёгкая сверкающая рябь в утренние часы, знойное марево в полдень и такой зеркальной чистотой опрокидывает прибережные ели в тихие вечера, диву даёшься. За рекой опять луга, лес, откуда мы немало натаскали груздей, рыжиков, маслят, брусники, морошки, немало вёрст прошагали по охотничьим тропам с отцом. С крыльца нашего дома видна песчаная отмель. Сейчас она заросла травой и кустарниками, стала огромной. А тогда она была не большой, из чистейшего золотистого песка. Во время ледохода и половодья она скрывалась совсем. Спадала вода и остров прижимался к берегу, оставив с обеих концов заводи (курьи). Там хорошилась мелкая рыбёшка, иной раз и щука заскакивала на пиршество. В самые жаркие дни мы, под предводительством бабушки, ходили туда ловить рыбу с домотканым бреднем. Только однажды спустились на берег, как поднялся сильный ветер. С севера двинулась такая чёрная туча, что в каком-то суеверном страхе мы побежали обратно. Не успели добраться до огородов, как шарахнул град, да такой крупный. Мы пытались закрывать головы руками, но без шишек всё же не обошлось. Кое-как прибежали домой и ахнули. Все стёкла на окнах разбиты, на полу лежат льдинки, величиной с орех. Чуть ли не каждое лето градом разбивало окна с северной стороны. Дело в том, что под окном стоял амбар на столбах (житник), этакая "избушка на курьих ножках без окон"... Двери были. Градинки, ударившись о покатую крышу амбара, отскакивали прямо на стёкла и нещадно били. Это пустующее и перекосившееся сооружение принадлежало

не нам, а жившему недалеко от нас Микей Егору. Мама не раз просила хозяев убрать житник, но он оставался на месте. Увидев этот погром, мать даже заплакала – стекло днём с огнём не сыщешь! И я не выдержала. Забралась на житник и голыми руками начала разбирать его. Сначала сбросила конёк на дорогу. Мама ругала меня и требовала, чтобы я сейчас же спустилась. Но я закусила удила и продолжала разбирать кровлю. Собравшиеся на шум односельчане весело смеялись и поощряли меня:

- Давай, давай, Галя, круши к чёртовой бабушке!

А родня Микей Егора ругала и кляла меня. Его дочь Феня кричала:

- Чтоб ты свалилась с крыши и сломала себе шею!

Я молча продолжала своё дело. Сбросила тёс, потом стропила и принялась за стены. Благо житник был поставлен в период острейшего дефицита гвоздей и всё крепилось на пазах и штырях. Подниму один конец бревна, переползаю к другому. Поднимаю, толкаю и бревно уже катится на дорогу. Зеваки визжат, смеются. Всё же, несмотря на запал, весь житник не одолела. Через несколько дней хозяева разобрали его и перетащили брёвна к себе. В доме у нас посветлело, а в палисаднике посадили берёзу, рябину и черёмуху.

В сенокосную пору наша семья в полном составе выходила на луга. Бригадиром была Еве Вась Огре. Она относилась к нашей семье с большим уважением за безотказность и трудолюбие. Мы хорошо понимали, как нелегко было и ей, молодой женщине, поднимать полуголодных людей на бесплатную колхозную работу. Отец стоговал, мама гребла сено, Тоня цепляла копны, мы с Раей верхом на лошадях возили копна, а Боря принимал и трамбовал сено на стогу. У отца получались стога стройные и прочные, сено в них не портилось. Иногда рано утром, до работы, отец обходил на лугах полувысохшие озёра, проверял, не осталась ли там рыба. Вечером все колхозники уезжали по домам, а мы оставались. Шли к озёрам с тяжёлым домотканым бреднем и тянули его по топким, проросшим жёсткой осокой, берегам. Ох, как не хотелось лезть в эту грязную жижу, проваливаясь по колено, тащить бредень. А гнус просто свирепствует при заходе солнца! Но делать нечего. Надо. Завтра уха будет! Я меньше всех. Устала. Замёрзла. Когда вытаскивают бредень на берег, стою мокрая и грязная, звонко клацкая зубами. А мать торопит:

- Шевелитесь быстрее, замёрзнете! Давай, давай, Галя, неси ведро!

И я бегу за ведром с рыбой, босиком по колючей стерне, поскуливая от боли, какой-то странной рысью, раскрылившись, чтобы мокрая одежда меньше прилипала к телу. Если рыбы много, настроение улучшается. Лениво отбиваются подъязки, шуки ловко увёртываются из рук, выскакивают из ведра. Когда бредень вытаскиваем полный ила и травы, но всего с несколькими рыбёшками, настроение падает. Боря чутко улавливает наше состояние и пытается нехитрой уловкой рассмешить нас. Переходя в брод на ту сторону озера, притворно закатывает глаза, корчит гримасы. Незаметно для нас вешает на уши водоросли, прицепляет себе хвост из жгута или травы. Мы перемигиваемся и давимся от смеха. Громко смеяться и разговаривать нельзя – рыбу распугаешь. Ополоснув и развесив в

кустах бредень, переодевшись в сухое, бежим домой. Дорога не близкая, не менее 4-5 вёрст. Приятно ощущаешь тёплую дорожную пыль босыми израненными ногами. Темно, только дорога белеет впереди.

На зиму мы заготавливаем много грибов и ягод. Иной год к зиме на печке стояло до четырёх мешков сушёных грибов, а в сенах не меньшее количество кадушек брусники, клюквы, солёных груздей или рыжиков, квашенной капусты и солёной рыбы. Может кому-то и покажется, что это слишком большие запасы, но что они без хлеба. Живот набьёшь, а сытым не будешь. Картошку тоже съедали ещё до марта. Особенно выручали нас луговые белые грибы. Они появлялись рано, во время сенокосов, прямо на лугах, вдоль еловых и пихтовых лесков. Однажды остановили лошадь по пути домой в Еве Бажуке (луга у нас носят название бывшего до колхоза хозяина). Есть и Поломей Бажук – луга нашего отца. Крупные, крепкие, румяные грибы будто выстроились в шеренгу. Грузили грибы прямо в телегу. Радовались удаче.

В начале войны училась я в третьем классе. Голос Левитана. Тревожный и торжественный, горестный и восторженный, он приковывал наше внимание к репродуктору, дребезжащему диску, обтянутому чёрной бумагой. Радио провели к нам только перед войной. Мы, как и взрослые, переживали все события в стране. Особенно тревожной была зима сорок первого года, когда немцы подошли к Москве. Но мы верили: Сталин в Москве – значит её не сдадут. В школе было холодно, дров не хватало. На уроках зачастую сидели в пальто, а в перемену спешили в коридор, прижимались к тёплой печке и грели друг друга. Мальчишек не пускали к печке. Но иногда они всё же выпихивали нас от печки. Шум, возню, потасовку прекращал обычно звонок на урок. Однажды радиопередача "Пионерская зорька" передала пионерские песни и закончила со словами: "Дорогие ребята, напишите, какие песни вы хотели бы услышать". А мне очень понравилась одна песня, слова которой я переписала у подруг. Это была тюремная песня про сына прокурора, который отравил отца, зарезал родную сестру, а мать померла от горя. Я села и написала письмо в "Пионерскую зорьку", попросила для меня исполнить песню про сына прокурора. Потом подумала, что там, возможно слова не знают, и все куплеты записала на листок. И вот однажды почтальон даёт мне в школе письмо из Москвы. Все удивлены, я тоже. Распечатываю конверт, а там на четверти листка написано: "Дорогая Галя Макарова! Твоё письмо мы получили, но исполнить эту песню не сможем. Для тебя мы передаём песню "Наш паровоз, вперёд лети". Слушай следующую передачу". Я выросла в глазах своих подруг. А редакции, наверно, доставила несколько весёлых минут. Если ещё учесть, в русской грамматике мы были ещё весьма и весьма... Ведь все предметы велись только на коми языке, говорили тоже на коми. Привести хотя бы такой пример. Попалась мне в руки книга В.Гюго "Труженники моря". Усердно читала, но долго думала, что главный герой Жильет – девушка. Слышала где-то про Жульетту и решила, что это одно и то же имя. Мало чего понимала, а всё-таки читала.

Третий и четвёртый классы я уже заканчивала в другой школе, за три километра от дома. Это как раз 41-43-й год. Когда я пошла в третий класс, хорошо помню первый день учёбы. В школе должны были раздать учебники, а денег дома – ни копейки. Мама принесла из житника несколько бутылок и сказала мне:

- Вычисти и сдай в магазине, на эти деньги купишь книги.

Бутылки были зачумлены донельзя, в них когда-то держали дёготь, керосин и прочее. Перед первым сентября я целый день драила их песком, кирпичом и дресвой. А утром сложила в сетку и пошла в школу, сначала зашла в магазин, но бутылки у меня не приняли. Пришла в класс, а урок уже начался. Постучалась, и, гремя пустой посудой, ввалилась в класс. Вижу, все парты, кроме последней, заняты, а рядом с Катя Вась Юрием, с которым я сидела во втором классе, сидит другая девочка. Я молча отпихнула её и села, устроив сетку с бутылками под парту. Все засмеялись. В четвёртом классе уже никто не претендовал на моё место.

Однажды из Сыктывкарского медицинского училища приехали практиканты и пришли к нам делать уколы. Среди них был и мой старший брат Алексей. А надо сказать, что, пожалуй, всем нам предстояло принимать уколы впервые в жизни. Поэтому очень боялись и никто не хотел уколиться. Я тоже очень боялась, но сказала, что я буду первая. Мне не хотелось прослыть трусихой перед братом. Окончив училище, он ушёл на фронт.

Очень скоро после начала войны у нас не стало тетрадей, перьев, чернил. В начале полугодия учительница нам выдавала несколько перьев, а писали мы и на газетах, и на книгах. Я жалею вот о чём. Когда умерла тётя Феня, а её муж Павел Чумаков вместе с детьми Володей и Эмилией уезжали из Коми республики на родину, нам передали книги. Среди них мало было художественных произведений, а в основном политическая книга: произведения Маркса и Энгельса, Ленина, Бухарина и много ещё других, авторов которых я не помню. Были среди книг и чьи-то конспекты, аккуратно написанные простым карандашом в тетрадях большого формата. И вот, я часто вспоминаю об этих книгах и жалею, что не пришлось сохранить их. Сначала мы писали на этих конспектах, потом стали разбирать книги, они были изданы на прекрасной лощёной бумаге. Перо скользило по ним ровно, не то, что на газетной бумаге. Мы быстро расправились с ними. Я раскрашивала переплёт и подругам раздавала, ведь у многих даже газет не было. Помимо этих книг, помню другие, довольно интересные книги. Хорошо помню поэму В.Савина "Сыктывкар", напечатанная алфавитом латинским шрифтом. Видимо этот алфавит просуществовал недолго, мы уже учились по русскому алфавиту. Коми писателями и поэтами были переведены на родной язык многие произведения Пушкина, Лермонтова, Горького, Гайдара, так что такие, как "Дубровский", "Капитанская дочка", "Песнь про царя Ивана Васильевича удалого купца Калашникова" и многие другие, я прочитала впервые на коми языке. Были и такие дореволюционные издания, как "Календарь крестьянина". Каких только интересных сведений там не было! Очень жаль, что мы не умели ценить и беречь такие книги.

В школу ходить было далеко, зимой морозы бывали лютые, одёжонка на нас так себе, но мы никаких активированных дней не знали. Мы и градусники-то в глаза не видели. Однажды в сильный мороз бежали мы с Мальвиной в школу. Я ничего, а она заоченела совсем. Когда мы проходили мимо кладбища, она села на корточки, прикрыла колени пальтишком и не хотела идти ни вперёд, ни назад. Кроме дырявеньких чулков на ней не было ничего. На мне же было двое штанов, заправленных в валенки. Тогда она говорит мне: "Отдай мне одни штаны, а я тебе отдам хлеба". Обмен

тут же состоялся. Мальвина ожива, и мы побежали дальше. На первый урок мы опоздали и в класс зашли только в середине. Не дождавсь перемены, втихаря съела этот кусочек настоящего ржаного хлеба. У нас такого не было, а мать Мальвины работала пекарем. Зато мы одеты были теплее. Мать шила и перешивала нам из старой одежды и лоскутков. Что было получше из одежды родителей, мы давно уже поменяли на муку и картошку. Однажды мама спрашивает меня:

- А где же твои штаны из жёлтых и зелёных лоскутков? Выстирать бы надо.

Я, конечно, испугалась, что сейчас будут меня ругать, но рассказала всё, как было. Мама ничего не сказала, отвернулась к печке и тихонько заплакала. Да, нелегко было нам, детям, но горше всего было матерям видеть голодных детей. Рядом со школой жила семья маминой сестры тётки Калисы. Она была очень добрая и жалела меня. Хотя у самой было пятеро детей, во время морозов и пурги зазывала переночевать у них. Но я очень боялась строгого и молчаливого дяди Данилы и отказывалась, а она совала мне в карман то варёную картофелину, то кусочек лепёшки.

Однажды наши учителя решили поставить на сцене клуба спектакль "Русалка" А.С.Пушкина. На роль маленькой дочери русалки взяли меня. В день спектакля после уроков школьный сторож и уборщица тётя Дуня мне сказала:

- На улице мороз, ты домой, Галя, не ходи. До вечера побудь у меня, а после спектакля опять придёшь ко мне ночевать.

До сих пор помню добрый и ласковый её взгляд. Любила и жалела меня. Она была одинокая, жила тут же в школе в угловой комнате через коридор. Я зашла в комнату и села, прижавшись спиной к тёплой печке. Тётя Дуня поглядела на меня, потрогала лоб и говорит: "Да у тебя сильный жар! На-ка выпей кипяточек и ложись на печку, а я тебя разбужу вовремя". Вечером она разбудила меня и говорит: "От тебя же так и пышет жаром, простудилась видно! Не ходи в клуб, Бог с ним, со спектаклем, обойдутся". Я не послушалась. Надела длинный сарафан, на шею бусы ёлочные, распустила косички, накинула пальто и пошла в клуб. Слов у меня было немного, выход в самом конце спектакля. И когда я сказала: "Идём, идём, князь, туда, нас мама ждёт", - и потащила его в "омут", нам долго хлопали. Все говорили, что я очень хорошо играла. Ещё бы, я словно в бреду была. Было очень поздно, но я решила пойти домой. Попутчиков идти в Кывтыд не оказалось. Завернув свои реквизиты в узел, отправилась одна. В конце Шорсикта остановилась, потопталась на месте: дальше идти было страшно. Дома кончились, впереди два километра пустынной дороги: с одной стороны лес, с другой - река, поля в сугробах, мостик через Чёрный ручей и кладбище. Всего несколько дней тому назад на этой дороге волки разодрали собаку. И всё-таки, как в воду бросилась, побежала вперёд. Решила не оглядываться назад. До домов уже оставалось недалеко. Вдруг мне показалось, что за спиной кто-то дышит. Оглянулась, бежит кто-то чёрный за мной, а глаза как два огонька светятся. Как я очутилась уже в своей деревне на следующем мостике, ума не приложу. Словно очнулась от сна. Смотрю, а узелка с сарафаном в руках нет. Решила вернуться до конца деревни, возможно выронила недалеко. Смотрю, бежит навстречу наша собака Булька. Она, вероятно и напугала меня! Откуда она

взялась? Но далеко идти мне не пришлось. Встретилась подвода. Женщина придержала лошадь и спросила меня, куда я иду на ночь глядя. Я сказала, что узелок потеряла.

- Да вот же твой узелок, я подобрала его на дороге!

Она посадила меня в розвальни и довезла до дома. Переночевала она у нас, т.к. до Сторожевска ехать ещё двенадцать километров лесом.

Однажды, уже под вечер, подъехали к нашему дому сани и зашли в дом двое. Молодая, белокурая женщина в лёгком пальто и в фетровых ботинках так замёрзла, что еле держалась на ногах. Зашла в дом и начала плакать. Что-то говорит, смешивая русские и немецкие слова. Оказывается, она по дороге выронила где-то свою сумочку, где были документы и деньги. И не удивительно. Пальцы на руках и ногах побелели. Мама помогла оттирать их, напоила горячим чаем. Женщина рассказала, что она переселенка, немка из Поволжья и что её везут в с.Аныб, что ей нельзя никак без документов. Не помню точно, Тоня или Рая, мне кажется всё-таки Рая, встала на лыжи и пошла искать сумочку. Уже стемнело, а её всё нет. Стали волноваться. В годы войны волков много развелось у нас. То ли война погнала их в наши тихие края, то ли охотников на них осталось мало. Но вот, наконец, вернулась! В руках у неё сумочка. Нашла она её на том самом страшном для нас месте в Чом ва яг горув, до которого не менее четырёх километров. Женщина плакала от радости, рылась в своём маленьком чемоданчике, искала, что бы подарить Рае, подарила небольшой лоскут шёлка. Ваня знает эту женщину, она много лет преподавала в Аныбской школе немецкий язык.

В четвёртом классе нас учил Нафанаил Павлович, двоюродный брат. Училась я хорошо, но выдумки на шалости так и распирали меня. Нафанаил Павлович часто бывал у нас, но никогда не жаловался на меня родителям. Со мной "расправлялся" по-свойски. Когда мешала вести урок, брал за шиворот, шлёпал по попе и выставлял за дверь. Сразу определял срок наказания: на сколько уроков. Однажды даже выставил на три дня. Но я от дверей не отходила и слушала с той стороны все уроки, два дня тоже за дверью стояла. Наша добрейшая тётя Дуня жалела меня: "Опять набедокурила? Не стой тут, пойдём ко мне, я чаем тебя напою", - и смотрела на меня тёплыми глазами.

В нашей семье все на лыжах бегали довольно бойко. Когда отец работал на лесозаготовках и в Намвоне, охотничьи тропы его обходили и проверяли капканы и петли Борис, Тоня, Рая, а когда они учились уже в Сторожевске, обходила я. Очень гордилась, если посчастливится возвращаться домой не с пустыми руками. Завидовали даже мальчишки. Весной, когда образуется наст, в школу ездила на лыжах. А ветер в спину и вообще хорошо. Выедешь в поле, распахнёшь пальто и несёт тебя ветер по сверкающему насту, только снег шуршит! Однажды организовали лыжные соревнования в школе. Мальчишкам пять километров, а нам три. Это был лыжный кросс на значок.

Лыжня шла по лесу. Когда я пришла на финиш, учитель физкультуры посмотрел на часы и засомневался, что так быстро я пробежала трассу. Это меня задело. Побегала на второй круг и снова пришла первая. Тут уж пришлось поверить, т.к. по всей трассе я обгоняла своих одноклассниц.

Отец наш отличался хорошим здоровьем. Помню, как моя подруга Ия сказала, что заболел её папа. Я не поверила, считала, что папы никогда не болеют. И вот случилась беда. На фронт его не взяли, ему было уже пятьдесят лет, но взяли на так называемый трудовой фронт. Работали они в Намвоне. Там же находился и лагерь для политзаключённых. Когда отец приходил на выходной домой, рассказывал, что среди них есть очень хорошие и порядочные люди. Для нас, да возможно и для него это было открытием, т.к. считалось, что все они враги и преступники. Так вот, трое из нашего села, вместе с отцом, несли на плечах большое бревно. Один споткнулся, второй бросил бревно, отец не удержал и придавило его бревном. Долго лежал в Подъельской, потом в Сторожевской больнице. Когда он лежал в Подъельске, попала в больницу и я. Сильно воспалились глаза, с трудом могла открывать их. Привезли меня туда ночью. В палатах мест не было. Медсёстры что-то долго шушукались, потом повели меня в северное крыло, поместили в узенькую комнату с одной кроватью. Я погасила керосиновую лампу, юркнула в холодную постель и скоро заснула. Слышу сквозь сон, как зашли в палату двое и бросили что-то тяжёлое на пол. Среди ночи проснулась, светит луна в окошко. Взглянула на пол и волосы зашевелились на голове: на полу лежал покойник. Не помню, как перелетела через него, побежала в палату отца и заскочила в его кровать у стенки. Папа сказал: "Ну и правильно сделала, что пришла, а то замёрзла, вся дрожжишь". Я ему ничего не стала рассказывать тогда. А утром начался переполох – пропала девочка. Врач кого-то ругал, няни ходили по всем палатам, пока не догадались заглянуть в мужскую палату, где лежал папа. Там меня и нашли. Выяснилось, что

до утра меня решили поместить в покойницкую, она пустовала. А ночную смену забыли предупредить. Умер один мужик, его и положили ко мне, свет не зажигали, меня не заметили. На следующее утро недоразумение выяснилось, но меня на месте не оказалось. Испугались, что я со страха в чём-то убежала из больницы. Меня перевели в женскую палату.

С детством мы расставались рано. С чувством полной ответственности относились к работе. Наряду со взрослыми трудились на полях и лугах в колхозе. Тоня, как старшая из сестёр, с пяти лет мыла дома полы, смотрела за младшими, в отсутствие родителей отвечала за дом. За это родители уважали её, а папа даже гордился ею. Помню, купил папа для Тони красивый меховой воротник шалькой. Всё мечтали сшить ей пальто, но так и не удалось. По моему, Тоня сшила себе пальто и носила с этим воротником, когда начала сама работать.

Работы на селе хватало круглый год. Ранней весной, пока не появились комары, бичь северных краёв, заготовливали дрова в лесу. Пилили, рубили и складывали в поленницы самые толстые и высокие сосны. Затем убирали ветки и пробивали выезд на дорогу. Поздней осенью, когда замерзала почва и выпадал снежок, перевозили дрова во двор. Весной сажали картошку на колхозных полях, потом пололи и окучивали. Прополкой и окучиванием занималась только детвора. Соревновались, кто больше и лучше сделает. Ничем нас материально не поощряли, но мы очень старались, т.к. вечером бригадир тётя Катя говорила, кто вышел на первое место. Во время прополки так исколешь руки колючим осотом, что живого места нет, ведь всё это делали мы голыми руками, рукавиц не было. Начинались сенокосы. Перед войной на сенокосы выезжали колхозники с песнями. Молодые и старые женщины наряжались в белое. С

началом войны погрузнели лица. Голодные женщины продолжали ставить рекорды. Помню, объявили: кто скосит за день гектар (косили траву горбушами), тому выдадут девятьсот граммов муки. Женщины и девушки собрались идти на луга с вечера, чтобы при рассвете начать работу. Мы с подружкой Микит Миш Наде (дзёля Наде) тоже решили атаковать гектар. Домашние убеждали нас, что это бесполезная затея, не пускали, но мы увязались за старшими, пошли. Бабы всю дорогу нас ругали, гнали домой, но мы пререкались, плакали и шли вперёд. Около Ягвулоса нас всё-таки прогнали. Нашу Раю, Семе Олю и Ладимер Олю взяли (они были старше нас на два года, ростом выше и, конечно, крепче). На лугах женщины не захотели косить артелью и каждому отмерили свой гектар. Одолели гектар всего три женщины и наша Рая. А было ей всего 14 лет. Бог знает, как она после этого ещё до дома добралась. Бригадир Оле Катя потом часто вспоминала об этом.

Вспоминается, как мы с Раей напоролась на медведя. Собирали в лесу грибы. В густом и мрачном ельнике заметили чёткие следы медведя. Охотничий ли азарт или любопытство в нас заговорило, мы решили проследить, куда же он пошёл. Дошли до оврага, заросшего кустарником, остановились. Боязно идти дальше. Вдруг на той стороне оврага из кустов высунулась голова медведя. Таким противным нутряным голосом зарычал на нас и помотал головой. Нас как ветром сдуло! Но корзинки не побросали. Только на дороге оглянулись - не догоняет ли нас Миша. Интересно, какую скорость развивает человек в таких ситуациях?

Как-то косили мы траву на том берегу Эжвы, около Нёбдинса ты. Во время обеденного перерыва все девчата побежали купаться. Мы с подругой начали плавать на перегонки. Она обогнала меня, забрызгала и я начала тонуть, пошла на дно. Успела вынырнуть один раз и увидела, как все кричат, машут руками, а звука не слышу, как в немом кино. И снова пошла ко дну. А на душе почему-то такое спокойствие. И вдруг чувствую, что кто-то сзади подхватил меня и подтолкнул вверх. Тут уж я дошлёпала и уцепилась за берег. Я думала, что спасла меня Рая, хотя сама еле держалась на воде. Но она всегда отрицала это. Мистика какая-то. Но я до сих пор помню, как чьи-то руки мягко взяли меня под крылышки и толкнули вверх. Раньше, когда я ещё плавать не умела, меня вытащила из воды Ладимер Оля. Играли мы на песке, потом полезли в воду. Течение быстрое, мы дурачимся, лезем в глубину. Только Оля стоит на берегу, она боится воды, редко решается заходить в воду по колёно. Вдруг меня подхватило течением и понесло. Подружки с воплями кинулись бежать в деревню. Неожиданно Оля сорвалась с места и побежала по берегу вниз по течению, зашла в воду и схватила меня за длинные волосы, плавающие на поверхности и вытащила, уже вдоволь нахлебавшуюся воды, на берег. После этого случая она всё-равно боялась воды, не купалась никогда. Спасла и я однажды Микит Миш Надю. Во время половодья мы четверо сели в лодку, оттолкнулись от берега и начали баловаться, раскачивать лодку. Надя упала в воду и начала тонуть. Я схватила её за голову, но в руках осталась только шапочка. Подгрести лодку ближе и вытащила её за одежду. Я уже забыла этот случай, но несколько лет тому назад мы с ней встретились в деревне и она напомнила мне об этом случае.

Приходилось пасти и колхозный скот: свиней, коров, телят, овец. Самые вредные и упрямые - свиньи. Каждая из них хочет идти своей дорогой. С

овцами тоже набегаешься вдоволь. Идут и идут, словно ручей течёт. Только что тут были, уже нет никого. Тишина. И поди угадай, за какой лесок или бугор скрылись. Ни костёр тебе разжечь, ни книжку почитать. Зато коровы – степенная публика. Не спеша, старательно пасутся, потом ложатся, отдыхают. Тут уж устраиваешься на берегу и уходишь в чужие судьбы на страницах книг. Или ложишься на спину и смотришь на плывущие облака. Немного воображения – и это уже не облака, а белогривые кони, неведомые корабли бесшумно мчатся, поминутно меняя очертания, то люди, то животные. Завораживает, глаз не оторвёшь! Но коровы – хитрые бестии! Воспользовавшись моментом, какая-нибудь Бурёнка, недавно ставшая матерью, уже во всю чешет в деревню кормить своего телёнка. Тут уж проявляй прыть. Обнаружив погоню, Бурёнка пускается вскачь, лезет в чашу. Набегаешься, обдерёшься, пока вернёшь её в стадо.

В 1943 году я окончила четвёртый класс. Всё. В пятый класс надо было ходить уже в Сторожевск за 12 километров, да ещё речку Вишеру переезжать. Тоня и Рая уже там учились. Что с собой брать? На всю неделю на двоих туесок молока, десяток лепёшек да несколько картофелин. Одежды и обуви тоже нет. Смогли купить только одну пару валенок для Раи. Остальные – латаны, перелатаны. Родители решили, что этот год я пропущу, тем более на будущий год откроют пятый класс и в нашем селе. Я плакала, но меня не отпускали. Это было в ноябре. В воскресенье я встала рано утром и пошла пешком в Сторожевск, никому ничего не сказав. Когда я дошла до реки, увидела, что из-за оттепели лёд вздулся и поверх льда повсюду выступила вода. Я кое-как перешла на ту сторону. Валенки набухли от воды, еле передвигала заочевенные ноги. Дошла до Сторожевска, нашла дом, где жили сёстры. Дома догадались, куда я ушла. На следующий день отец пришёл за мной и определил меня в пятый класс.

Дорого мне обошлось моё упрямство! Хватила лиха за этот год. И то думаю: я только один год на стороне училась, а каково было Боре, Тоне и Рае, ведь они все тяжёлые годы, начиная с 41-го учились далеко от дома.

Всех учебников у меня не было, поэтому сидела за первой партой и не пропускала ни одного слова учителя. Среди учителей были эвакуированные. По ботанике учила очень молодая и красивая учительница, тоже эвакуированная. У неё были очень грустные глаза. Во время приёма экзаменов она отдала мне свой учебник и сказала, чтобы я принимала ответы одноклассников, т.к. ей надо ненадолго уйти. Её мать была парализована. Я взяла книгу и удивлённо сказала: "Какие красивые картинки здесь!", она спрашивает: "Ты что, первый раз видишь их?", я ответила, что у меня нет учебника. Она очень была удивлена, т.к. я всегда отвечала хорошо.

Я очень боялась местных собак. Сейчас, через столько прожитых лет, я как бы со стороны вижу себя. Маленькая и худая, бреду по тесовым тротуарам после занятий из школы. Припекает солнце, снег подтаивает. Все мои силёнки уходят на то, чтобы тащить валенки: латанные-перелатанные, несколько слоёв на подошве, заплатка спереди, сзади, даже на голенищах. Наверняка эти валенки до меня носили по очереди все старшие братья и сёстры. Меня слегка покачивает и я боюсь упасть. Собаки почему-то всегда особенно лютуют на ослабленных людей.

Изо всех сил старалась не смотреть на них.

Окончился этот трудный учебный год. Подошло время пахать огород, сажать картошку. Какими ухищрениями, каким чудом, но семенную картошку сохранили. А вот пахать было не на чём. Обессиленных колхозных коров поднимали, подвешивали на верёвках. Сами подниматься на ноги уже были не в состоянии. Почти в таком же положении были и лошади. Отец пришёл с собрания и сказал, что лошадей не будет на личные огороды, некоторые уже начали пахать на своих коровах. Отец уговаривал маму тоже запрячь в плуг нашу кормилицу. Мать зарыдала и сказала: "Запряги лучше меня, а корову не дам, она и так еле держится на ногах". Не помню, как вышли из этого положения, но корову нашу не запрягли. По-моему, весной этого года и утонула наша корова Скрук. Была она крупная, с раскидистыми рогами, с рыжими пятнами на боках. А случилось это так. Переходили коровы через протоку, заполненную топляками и брёвнами, течение быстрое, берега крутые. Семь коров погибло, запутавшись в брёвнах. Мама плакала, как по покойнику. Мы знаем, что тогда для нас значила корова! С тех пор эту протоку стали называть "мос воян полой" (протока, где утонули коровы), а старое название протоки все забыли.

На следующий год я уже в школу в Сторожевск не пошла, так как в нашем селе открыли пятый класс, а на следующий год будет шестой, потом седьмой, мне надо переждать один год. Да и отцу нужен был помощник. Здоровье становилось всё хуже, да и слышать стал плохо. Весь год мы с отцом потихоньку охотничали.

Как только поспела брусника, мы на несколько дней ушли на ту сторону Эжвы, в Урьель яг. Какой это был лес! Светлый, торжественно величавый! Высоченные корабельные сосны с кудрявыми кронами не толпятся, а стоят на почтительном расстоянии друг от друга. А под ногами пенится белый ягель. Мягко пружинит в тени и похрустывает на солнцепёке. Светло, торжественно и тихо! Каждый раз, когда я входила в этот сосновый бор, испытывала какое-то странное чувство. Происходило перемещение во времени. Будто давно, столетия тому назад, я уже жила здесь, пережила какие-то потрясения, только вот вспомнить не в состоянии. И мне торжественно и немного печально. Такой брусники, как там, нигде нет. Очень крупная, тёмно-вишнёвого цвета, с рассыпчатой кисло-сладкой мякотью. Яркие, рубиновые гроздья рассыпаны повсюду, далеко видны на белом фоне. Собирай – не ленись только.

Но всё это БЫЛО! Несколько лет тому назад я вновь побывала в этих местах. Лучше бы я не видела, что сделал человек с этим, редкостно красивым сосновым бором. Всё изрыто гусеницами тракторов, вырублено, загажено! Не буду описывать эту страшную картину варварства и запустения: заново всё пережить. А толку... И словно в насмешку, эта организация "лесхозом" называется. И не столько вывезли, сколько просто порушили. Неужто по всей Земле так!?

Так вот, папа оставил меня в этом бору собирать бруснику, а сам пошёл по своим охотничьим тропам проверять и ставить силки, петли, капканы. Папа вернулся уже в сумерках. Положил мой пестерь с брусничкой под сосну, туда же повесил папа своё ружьё и мы начали собирать сушняк для костра. Папа мне сказал, чтобы я запомнила это место. Пока мы выбирали место для костра, как-то неожиданно вдруг стало темно. Начали искать

наши вещи. Искали долго, пока не споткнулись о пестерь. Около большого сухого бревна мы устроили костёр. Папа нарубил пихтовых веток и постелил ими вокруг костра. Сели, перекусили немного, меня на сон потянуло. Среди ночи проснулась и вижу: папа склонился над костром и что-то ищет там, ковыряет палкой. А кругом темно, как в яме. Гуще темноты осенней ночи не бывает. Оказывается, папа задремал, облокотившись на бревно около костра и шапка с головы упала в костёр, сторела. А у него, как у предусмотрительного охотника, в шапку была воткнута иголка с ниткой. Так он в пепле искал ту иголку. Нашёл. Вообще-то в такие тёмные осенние ночи не безопасно ночевать в лесу: медведи очень агрессивны. К утру сильно похолодало, крупными хлопьями, словно подкрадываясь, пошёл первый снег. Мы отправились домой. Хорошо, что на мне было два платка. Папа надел один платок себе на голову. Я старалась не смотреть на него, чтобы не рассмеяться. Вдруг топот и треск сухих сучьев и словно из-под земли вырос в метрах ста от нас красавец-лось, на миг застыл на месте и стрелой - в лес, только комья земли брызнули из-под копыт. Отец даже ружьё не снял с плеч. Ружьё заряжено дробью для дичи, зачем ранить зверя.

Когда выпал большой снег, затихли подо льдом ручейки и болота, мы на лыжах ушли промышлять белку в сторону Урала на целую неделю. Переходы делали от избушки к избушке, где и останавливались на ночёвку. Отец, видимо хорошо знал эти места. По охотничьему обычаю всегда там оставляли запас дров и немного соли. Других съестных припасов, увы, тогда не могли оставлять. К некоторым избушкам возвращались несколько раз, если в окрестностях достаточно было белок. В самые удачные дни мы добывали до тридцати белок. В лесу тихо, безветренно, ветер где-то там, наверху, шумит в кронах высоченных елей и сосен. Отец идёт впереди на своих широких лямпах (лыжах), подбитых снизу коротким мехом. За спиной у него вещмешок и ружьё. Сзади плетусь я. Лямпа у меня коротенькая, широкая, только без меха. А Булька уже усвистала далеко-далеко. А вот и голос подала. Хоть она и не близко, по лаю всегда можно определить, кого она выследила. Если часто, нервно и с повизгиванием - значит, за зайцем погналась. А коли басисто и с рычанием, значит, крупного зверя встретила. А на этот раз нас на белку зовёт. Лаёт размеренно, спокойно. Я говорю отцу, в каком направлении Булька. Подойдём поближе, он и сам услышит. Подходим. Сидит Булька под ёлкой, лаёт. А высоко, на ветке - белка. Спокойно пощёлкивает шишку, глазом косит на нас. Отец становится поодаль, целится в голову, чтобы не попортить шкуру, а я сразу становлюсь под ёлку. Булька взяла в привычку хватать зубами белку и кусать, от чего шкурка не идёт первым сортом. Так вот, я должна успеть схватить белку раньше Бульки. Выстрел, белка падает, хватаю её, а она вцепляется мне в руку мёртвой хваткой. Отец подбегает ко мне, пытается разжать челюсти белки, да никак. Кровь и слёзы каплют на снег. Папа с трудом разжимает её острые зубы. Борьба за качество - ничего не попишешь.

Отец мне иногда давал ружьё, чтобы я стреляла в белку. Но дело в том, что ружьё давало сильную отдачу: в момент выстрела било в плечо. Вот сидит белка, не суетится, не крутится, а невозмутимо занимается шишкой. Отец уступает моим просьбам. Беру ружьё и прикладываю ствол на ветку сосенки-подростка, иначе не удержать, силёнок не хватает. И вот выстрел, толчок в плечо, и я падаю на спину. Белка падает под ёлку и пускается наутёк. Папа ставит меня на ноги, а Булька настигает

раненную белку. Попадались нам и глухари, горностаи, иногда куницы. Придя в избушку, мы топили печку, варили мясо и ужинали. Чуть отогревшись, я сразу засыпала. Отец снимал шкуры со зверюшек, чистил ружьё, заряжал патроны.

Однажды так умаялась, что утром папа никак не поднимет меня. Говорю ему: "Сейчас, сейчас", а сама не могу разлепить глаза. Папа тогда говорит: "Ладно, отдыхай сегодня, а я пойду один". И ушёл, позвав с собой Бульку. Я выпалась, потом долго смотрела в маленькое, как в бане окошко. Папы всё нет – начинаю грустить. Одеюсь и вышла на улицу, чтобы набрать дрова. Тишина, только невесело сосны шумят да снег валит. Уже и папиных следов не видно. Села на пенёк, вглядываюсь, не покажется ли папа. Вдруг вижу: двое мужчин на лыжах идут прямо на меня. Лица тёмные, обросшие. Первая мысль была забежать в избушку, но вспомнила, что на дверях даже крючка нет закрыться. А они вот уже близко! Тогда пошла на хитрость. Кричу: "Папа, Ваня, Алёша, идите скорее сюда, к нам двое идут!". Только тогда они меня заметили. Услышав мои слова, круто повернули лыжи и скрылись в лесу. Как будто растаяли. Только потом я испугалась: а вдруг они папу встретят и убьют его. Начала плакать, не могу остановиться, плачу и всё! Зимний день не долог, уже смеркается. Наконец-то! Папа идёт, да так спешит! По той же лыжне, которую проложили те двое. Испуган. Он понял, что чужие могут набрести на избушку. Папе я рассказала про свою хитрость, он похвалил меня. Я заметила, что на ночь он привязал дверную ручку ремнём к толстой палке.

Когда мы уже возвращались домой, Булька два раза попадала в петли для зайцев. Идём, слышим, далеко лает Булька, да как-то странно. Полает, помолчит и снова начинает лаять. Подходим: сидит под деревом и лает, сам так жалобно поглядывает на нас. Смотрим вверх, не видно белки. Кружили, кружили, не увидели никого. Позвали с собой Бульку, а она ни с места. Сидит на месте, поскуливает. Догадались, наконец, в петле сидит! Да какая хитрая, не вырывается, не затягивает петлю. Освободили пленника, пошли дальше. Домой идти уже гораздо веселее. Проверяем попутно силки и петли, которые мы ставили, когда шли от дома. Попадались и куропатки и рябчики. Позарились на яркие гроздья рябины, подвешенные для приманки и вот результат. А вот уже и знакомые мне леса: перешли Вой керос нюр. Скоро будем дома! Вдруг слышу: Булька лает! Да так далеко позади, еле-еле слышно его. А до дома рукой подать, да и уже смеркается начинает. Хоть плачь. Папа остановился, прислушался и спрашивает: "Слышишь? Будто где-то Булька лает". "Нет, я ничего не слышу", – соврала я, а сама думаю: "Не возвращаться же в такую даль, никуда не денется, придёт домой". Вот мы, наконец, и дома! А Бульки всё нет и нет. К счастью, Тоня и Рая оказались дома: на выходные пришли из Сторожевска. Утром встали рано на лыжи и пошли выручать Бульку. Так и есть: в петле сидела всю ночь, шельма!

Как-то мы с отцом около Ыджыд нюр (Большое болото) поставили петлю на лосиной тропе. Папа сказал: "Это на твоё счастье". Но вышло так, что мы долго не смогли прийти проверить её. Когда отец пришёл туда, чуть не заплакал от досады: от лося почти ничего не осталось. Частично растащили звери и вороньё, остальное испортилось. Вот оно моё счастье: удача не раз давалась мне в руки, а использовать её я не сумела.

Миллионы людей мечтают найти клад и не находят, а я не раз находила. Все эти случаи произошли давно и редко кому я об этом рассказывала, чтобы лишний раз не огорчаться.

Первый случай произошёл, когда мне было, наверное, лет 8-9. Дедушкин дом ещё стоял на месте, начинали только разбирать хлев и конюшню. В наших краях строят их прямо при доме.

А над хлевом большой сарай для сена и прочего хозяйственного инвентаря. Так вот, мне поручили перекопать небольшой участок бывшего хлева с восточной стороны. Копаю, песни распеваю. Участок лёгкий, давно перегнивший навоз. Лопата звякнула обо что-то металлическое. Вытащила - шашка. Лезвие почти полностью изъела ржавчина, а рукоять и ножны были целы. Вытерла рукавом прилипшую грязь, заблестели на солнце серебряная и золотая инкрустация, красные, зелёные и белые камешки. Красные и зелёные камешки мне понравились, а белые, прозрачные не привлекли моё внимание, хотя при повороте так и брызнули от них лучи. Это теперь я понимаю, какая была находка ценная, а тогда она меня заинтересовала только как игрушка. Понятия не имела, что красные камешки - рубины, зелёные - изумруды, а прозрачные - бриллианты. Закончила свою работу и пошла домой. А дома уже за стол садились обедать. Я говорю: "Смотрите, что я нашла", - и показываю находку. Мама даже в лице изменилась. "Боже мой, - сказала она, - из-за этой шашки чуть всю нашу семью не расстреляли!".

Мама рассказала, что это происходило в 1919 году, когда через наше село проходили белогвардейцы. Дело было зимой, отец был на Гражданской войне, а мать жила с бабушкой и с младшими братьями и сёстрами отца. Белые вошли в село на подводах. В доме дедушки остановились несколько важных господ-военных и вместе с ними был английский офицер. Около дома поставили караульных, а сами всю ночь пили. А утром подняли шум, что у кого-то из них пропала шашка, очень дорогая. И взрослых и детей допрашивали, грозились расстрелять, если шашка не найдётся. Обыскивали. Спасло их только то, что вдруг караульные доложили, что на той стороне реки двигаются какие-то подводы с людьми. Приказали быстро запрячь коней и спешно уехали. Видимо, испугались партизан. Но как шашка оказалась в хлеву? Видимо, пьяный офицер (или кто он там был по чину) выронил свою шашку в хлев, а лошади вместе с сеном затоптали в навоз. Да и уборная находилась над хлевом в сарае, так что ничего удивительного в этом нет. Да, вот ещё: на шашке была какая-то надпись, но я не помню, что там было написано. Итак, положили мы её на подоконник, а сами стали обедать. В это время многие из соседей заходил к нам, шашку смотрели. Через некоторое время мама спрашивает: "А где же шашка? Надо её прибрать." А шашки и след простыл. Нету. Кто-то сумел оценить её стоимость.

Однажды мама рассказывала, как она в том же 19-м году прятала своих коней от белогвардейцев. Увидела, что солдаты обходят дворы и забирают коней. А дедушкин дом стоял как бы на отшибе, ближе к реке. Мама рассчитала, что успеет спрятать коней. Около дома была сложена поленница дров. Завела коней между стеной дома и поленницей, а вход валожила дровами. Пришли, спрашивают, где лошади. Мать сказала, что уехали на них за сеном. Не поверили, обскали конюшню, хлев, даже в баню заглянули. Мама тихо молилась, чтоб только не заржали лошади. Повезло, ушли солдаты ни с чем.

А этот случай произошёл, наверное ещё до войны, мне кажется я ещё не ходила в школу. Дело было весной. Дома никого нет. Сидела уютненько на печке и что-то рисовала. Что толкнуло меня, я и теперь объяснить не могу. Просто встала, спустилась в голбец и подошла в темноте к печке, которую мы обычно топили в холодные зимние дни, чтобы не замёрзла картошка в подвале. Покопалась под печкой, сунула руку в какую-то нору и вытащила стеклянную банку, почти до половины наполненную золотыми монетами. Золотые поменьше размером, а серебряные покрупнее. На тех и других изображён профиль мужчины с круглой бородкой. Потом-то я узнала, что это Николай II-й. Я обрадовалась, что теперь-то я у всех в "стаканчики" выиграю. Дело в том, что в "стаканчики" мальчишки начинали играть ранней весной, когда только первые проталины появлялись с солнечной стороны домов. У меня выиграли единственный пятак и я мечтала вернуть его. Вижу в окно, что напротив, около дома Пед Иван Митрей игра в разгаре. Сунула несколько монет в карман и пошла играть. Серебряные монеты произвели фурор. Они своей тяжестью тотчас сбивали "стаканчик" и переворачивали монеты, что означало выигрыш. Старшие мальчики попросили поменяться на обычные монеты, что я и сделала. Был среди них один хитрый и нахальный мальчишка. Его звали Иваном. Так он попросил принести ещё монеты и обманным путём выиграл у меня большинство из них. Три золотые монеты я отдала Зина Игорю. Вечером Тоня увидела у меня эти монеты, оставалось только три золотых, а серебряных не было уже ни одной. Мама отругала меня и велела обратно забрать деньги у тех, кому раздала, но где там... Зина Игорь спрятался от меня на печку, сказал, что мать у него забрала их. А тётка Зина сказала, что не видела их. А родители наши отличались скромностью и сдержанностью и не хотели скандалить ни с кем. Вот так, за один день я профукала клад. Я совершенно не понимала, какие ценности держала в руках. Потом, в голодные военные годы папа поменял две золотые на два мешка муки,, а один золотой позже переделали маме на кольцо.

И вот, через толщу прошедших лет, думаю: кто всё-таки из взрослых хранил эти деньги "на чёрный день"? Мне кажется, что сохранила их бабушка после смерти дедушки. Меня само собой поругали тогда, но позже никогда не упрекали за это. Чем объяснить этот мой поступок: глупостью или наивностью? По-моему, тем и другим.

Итак, с осени 1944 года до весны 1945 года мы с отцом прошли немало троп то пешком, то на лыжах. Целыми днями на ногах. Уставали. Особенно весной, когда подтаявший снег прилипал к лыжам. Зато на привалах с удовольствием лепила из податливого снега небольшие фигурки людей, зверей, животных, с сожалением оставляла их на пнях. У отца были постоянные места, где мы останавливались для отдыха. Например, на левом берегу Эжвы - под высоченной раздвоенной на вершине пихты. Под ней поперёк тропинки толстое бревно. Где же ещё и перевести дух. Сёстры хорошо знают это место, мы там останавливались и потом, когда уже не было отца. Жалею, что мало интересовалась и спрашивала отца о разных событиях в жизни. А знал он много.

В 1945 г. я пошла в школу в своём селе. Тоня уже оставила девятый класс и устроилась на работу в Сыктывкаре, Рая училась в библиотечном техникуме, брат Борис учился в медучилище, Алексей был на фронте, Ваня работал в драмтеатре, а Людмила только ещё училась во втором классе.

Однажды мы с подружками решили поставить спектакль в помещении начальной школы в Кывтыде. Я взялась за составление сценария. Выбрала из поэмы "Мёртвые души" Н.В.Гоголя отрывок о приезде Чичикова в имение Коробочки. Провели репетиции, подготовили костюмы и вывесили объявление. Публики набралось много. Все парты в классном помещении были заняты. Роль Чичикова играла Микулай Катя, Селифана – Микит Опонь Миля, а Коробочкой была я.

Но вот загвоздка: Коробочка должна угощать Чичикова шаньгами, блинами, пирожками с луком, яйцом, маком, творогом и "невесть чем ещё", а у нас, кроме миски с кислой капустой ничего не нашлось. Миля нам сказала по секрету, что её мать где-то достала белой муки и испекла булочки, но спрятала. Мы с Катей уговорили её поставить на стол тарелку с булками на время представления, а потом обратно положить на место – мать и не узнает. И вот, на столе горячий самовар и чашки, капуста и булочки. Встретила я, как положено, Чичикова и пригласила за стол. Пьём чай, ведём беседу. "Гость" спрашивает: "Это что у тебя, Настасья Петровна, на тарелке лежит?". "Булочки, – говорю, – сдобные, у меня их хорошо пекут, ешьте, батюшка, не церемоньтесь!". Катя не стала "церемониться", взяла булку и давай уплетать за обе щёки. Мне стало завидно и я взяла булочку, стала есть. Миля просунула голову в дверь и шипит: "Положите булки на место!", да где там, мы словно оглохли: беседуем и жуём. Тогда Миля забежала в класс и, операя ход событий, кричит: "Барин, лошади поданы!". Чичиков кричит: "Селифан! Иди немедленно на конюшню! Болван!". Миля схватила тарелку с уцелевшими булочками и ушла "на конюшню", хлопнув дверью. Публика хохотала, но осталась недовольна, что спектакль слишком короткий. Так вот и переплетено в жизни: смешное с грустным, чёрное с белым, через сердце пропускали и радость и беду.

Одна мысль не даёт голове покоя. Почему мать и отец, несмотря на рабский труд в колхозе, голод и всякие лишения, ни единым плохим словом не обмолвились в адрес советской власти? Когда бывало особенно трудно, отец подбадривал маму: "Ничего, Аннушка, как-нибудь переживём и это. Зато, смотри, какие у нас хорошие дети! Не одинокие будем в старости. Я надену свою шляпу, возьму в руки палочку и пойдём мы с тобой от одного к другому, к сыновьям и дочерям, держась под руки". Нет, не довелось ему под старость ходить по гостям. Из-за страшных приступов боли в желудке не мог уж есть. Меня просил: "Галя, напиши в город дяде Максиму, пусть он пришлёт хоть несколько белых булочек. Я бы съел их и, возможно, поправился". Умер он 6 июля 1947 года. За нашим огородом в поле как раз колосилась рожь. Я спряталась там и дала волю своим слезам. Мне казалось, что шум ветра и голоса в деревне – всё слилось в единый плач.

Кто никогда не видел, как плачут животные, может не поверить, но наша Булька плакала, как человек. Лежит в сарае, тихонько подвывает, а слёзы из глаз катятся и катятся. За несколько часов до похорон прибежала Тоня из Сыктывкара. Именно прибежала. Получив телеграмму, пустилась пешком и, не останавливаясь даже ночью, плакала и бежала, одолев все сто десять километров пути до дома пешком.

Так сердцу тяжело, когда я пишу об отце. Человек, говорят, рождён для счастья. А много ли он испытал его? Трудолюбивый, добрый, очень

скромный, он всю жизнь трудился, растил детей и жил в нужде. Где-то впереди маячила надежда на лучшее. А как человеку без надежды одолеть всё это? Но не все наши надежды, к сожалению, исполняются.

В год смерти отца, матери исполнилось 48 лет. Много интересного можно написать о ней, но самое непостижимое для нас – как умело соединяла три поколения своих отпрысков в единую дружную семью: детей, внуков и правнуков. Каждое лето мы съезжались к матери в родной дом. Иной раз вместе нас с детьми бывало до 20 человек. Наш дом тогда походил на большой муравейник. Для всех находилась работа, привычная с детства. Заготавливали и возили дрова и сено, занимались огородом, ремонтировали хозяйственные постройки, собирали грибы и ягоды. А главнокомандующей над нами, распрядителем всех работ была мама. И никакого гвалта, никакого шума! И даже внуки, которые были самых разных возрастов и характеров. никогда не ссорились между собой. Бывало другой раз их в моём распоряжении было больше десяти (обычно ответственность за организацию детворы возлагали на меня, что исполняла я с большим удовольствием). Все они, как и взрослые, принимали участие в труде. Думаю, что Таня, Женя, Катя, Вова, Сергей, Витя, Саша, Нина, Валя, Таня, Оля, Саша, Витя, Ваня, Наташа, Саша, Андрей хорошо помнят бабушкин гостеприимный дом, леса и речку. И когда-нибудь покажут своим детям эти места, где прошло их детство.

Я хочу обратиться к вам, следующим поколениям рода Макаровых. Храните память о ваших предках. Не скупитесь на добрые, ласковые слова родителям, пока они живы. Я по себе знаю, что со временем непременно придёт к вам раскаяние за то, что не всегда были внимательными к тем, кто дал вам жизнь. Постарайтесь понять старшее поколение. Прощайте им недостатки, свойственные старости. Помните: всё в жизни повторяется. Внимательно приглядитесь к своим детям и внукам. В них будут повторяться не только черты внешности, но и характеры, склонности, таланты и способности предков.

Желаю счастья, здоровья и тысячелетней истории роду Макаровых. С любовью – Галина Варфоломеевна Попова (Макарова). 2002 год.

Записала: Малыгина Анна Георгиевна.

Опубликовал на сайте: Оксюзьян Денис Владимирович.

21.12.2021 год.